

ВЫЯВЛЕНИЕ ПРОДУКТИВНОСТИ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ТИПА В ПРОЦЕССЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЛИНГВОКРЕАТИВНЫХ ЗАДАНИЙ

Аннотация. В статье рассматриваются возможности использования экспериментальной работы с лингвокреативным компонентом для выявления продуктивности словообразовательного типа. Современные лингвистические исследования свидетельствуют об активизации лингвокреативной деятельности, при этом явление языковой игры некоторые авторы предлагают использовать для развития языковой способности личности. Такой подход представляется оправданным, поскольку к творческому нарушению языкового стереотипа способен только тот, кто владеет языком и, кроме того, способен правильно ориентироваться в речевой ситуации, в частности адекватно прогнозировать восприятие шутки адресатом. Обычно исследователи обращают внимание на эстетический и эмоциональный характер игровых новообразований. Однако этим их потенциал не исчерпывается, в некоторых случаях они могут стать свидетельством продуктивности тех или иных языковых явлений. Так, предложенное студентам неязыкового факультета задание создать притяжательные прилагательные позволило подтвердить продуктивность словообразовательного типа, содержащего суффикс *-ин-*, и выявить причины удлинения суффиксальных морфем.

Ключевые слова: лингвистика креатива, языковая игра, притяжательное прилагательное, продуктивный словообразовательный тип.

Современные лингвистические исследования свидетельствуют об активизации лингвокреативной деятельности носителя русского языка. Так, в речевой практике XX столетия широкое распространение получила языковая игра – парадоксальное речевое явление [Виданов 2012: 8], связанное, «с преднамерен-

ным нарушением языкового стандарта» [Гридина 1996]. Языковая игра серьёзно потеснила такие традиционные выразительные средства, как пословицы, поговорки, фразеологизмы, афоризмы. Они, кстати, нередко становятся базой для языковой шутки в силу их широкой известности, воспроизводимости. Представляется абсолютно справедливым вывод Е. Н. Ремчуковой об общей тенденции современного общества к лингвокреативной деятельности. [Ремчукова 2009: 246].

Характеризуя многоаспектность, многоплановость языковой игры, Б. Ю. Норман отмечает: «Языковая игра (в максимально широком понимании термина) – это нетрадиционное, неканоническое использование языка, это творчество в языке, это ориентация на скрытые эстетические возможности языкового знака» [Норман 1987 : 168]. Учитывая скрытые возможности языковой игры, некоторые авторы предлагают использовать их для развития лингвокреативной языковой личности (см., например, [Гридина, Коновалова 2017; Гридина 2018]). Такой подход представляется оправданным, поскольку к творческому нарушению языкового стереотипа способен только тот, кто владеет языком и, кроме того, способен правильно ориентироваться в речевой ситуации, в частности адекватно прогнозировать восприятие шутки адресатом. Исследователи подчеркивают большие возможности игровых языковых единиц для развития языкового чутья, обогащения эмоционального лексикона языковой личности, развития у человека представления об эстетических возможностях языкового знака [Руденко 2012: 9]. Не случайно в XX столетии тексты, содержащие языковую игру, стали активно использоваться в практике преподавания на всех уровнях обучения языку.

Представляется, однако, что это не все возможности, которые даёт исследователю специально организованная, направленная на языковое творчество практика. Использование лингвокреативных заданий, на наш взгляд, способно продемонстрировать продуктивность тех или иных явлений в языке.

С целью проверки этого предположения был организован эксперимент, в котором приняли участие 100 студентов факультета начального, дошкольного и специального образования Ом-

ского педагогического университета которым предлагалось образовать притяжательные прилагательные от группы терминов родства, в которую было включено 10 слов: *брат, деверь, жена, зять, муж, свёкор, сестра, сноха, тесть, шурин*.

По степени сложности задания этот список можно разделить на три группы.

Первую группу представляют слова, на базе которых, по данным словарей современного русского языка, образуются стилистически нейтральные притяжательные прилагательные (*женин, мужнин*), а также стилистически маркированные (разговорные и просторечные) единицы (*братнин, сестрин, мужний*) или устаревшие (*братний*) единицы.

Вторую по сложности группу составляют остальные существительные из этого списка, кроме слов *шурин* и *деверь*, поскольку, по данным современных толковых словарей, они не используются для создания притяжательных прилагательных.

Наконец, третья группа – это представляющие наибольшую сложность для выполнения задания существительные *шурин* и *деверь*, значение которых, как и предполагалось, большинству испытуемых было неизвестно. Как выяснилось в процессе беседы после эксперимента, никому из его участников не была известна и, как нам казалось, хрестоматийная загадка, содержащая притяжательное прилагательное – *шуринов племянник как зятю родня?*

Перед началом экспериментальной работы студентам было сказано о том, что не все существительные из списка могут использоваться для создания притяжательных, прилагательных и было предложено задание для таких случаев подобное прилагательное придумать самостоятельно, ответив на вопрос *чей карандаш?*

Результаты выполнения задания оказались следующими.

4 участника эксперимента так и не смогли преодолеть негативного отношения к заданию. Оно вызвало у них глубокое возмущение, поскольку всю речевую продукцию они привыкли оценивать по шкале *правильно / неправильно*, а потому, отвечая на вопрос, эти студенты выбрали родительный принадлежности, написав словоформы типа *брата, сестры, мужа* и т.д. Одна ра-

бота также содержит преимущественно подобные формы, за исключением одного прилагательного - *сестрин*. Ответы этих пяти участников в дальнейшей статистике не учитывались. Подобные формы были зафиксированы также в 65 % остальных ответов, большая часть которых содержала требуемые прилагательные, но для некоторых слов задание образовать их показалось невыполнимым. Свообразным лидером здесь, как это ни странно, оказалось слово *жена*, от которого почти половина участников так и не смогла образовать нужной единицы. Как выяснилось в процессе беседы после эксперимента, слово *женин* вызвало неприятие по причине омонимического сходства с прилагательным *Женин*, образованным на базе антропонима. Многие участники не смогли образовать прилагательного от слов третьей по сложности группы, написав словоформы родительного падежа *шурин* (26%) и *деверя* (28 %), для 23 % участников сложным оказалось это задание и для слова *тесть*.

Рассмотрим результаты в соответствии с выделенными группами слов по уровням сложности задания. Почти все зафиксированные словарями притяжательные прилагательные были образованы участниками эксперимента: *женин* – 26 %, *мужнин* – 17 %, *мужний* – 17%, *сестрин* - 38 %; лексему *братний* образовал 1 студент, прилагательного *братнин* не образовал ни один из участников. Из беседы, проведенной по окончании эксперимента, выяснилось, что наличие слов *женин*, *мужний*, *мужнин*, *сестрин* в ответах 38 студентов было обусловлено тем, что испытуемые слышали их ранее или даже употребляют в речи сами. Остальные слова, приведенные участниками эксперимента, случайно совпали с данными словарей. В полученных для данной группы слов результатах особенно наглядно проявилось такое явление, как употребление относительных прилагательных в значении притяжательных. Так, 52 % участников указали как притяжательные прилагательные слова *сестринский* и *братский*, что связано как с субъективными, так и объективными факторами. К субъективным в данном случае относится личный речевой опыт испытуемых: эти слова им хорошо известны и они предпочли не придумывать непривычное, а иногда и эстетически неприемлемое для них слово, а использовать для этих целей

готовую единицу. Поступить так вполне позволяет такой объективный фактор, как сходство притяжательных и относительных прилагательных по грамматическим признакам. Известно, что академическая грамматика выделяет только качественные и относительные прилагательные [Русская грамматика 1980: 541].

Выполняя задание на базе двух других групп слов, студенты создали разные единицы, деривационные особенности которых позволяют увидеть повторяющиеся модели, а следовательно, можно говорить о их потенциальной продуктивности.

Интересно, что некоторые из участников эксперимента выбрали в качестве модели создания притяжательных прилагательных словообразовательный тип с каким-то одним суффиксом. Так, один участник выбрал в качестве форманта для создания слова в 7 случаях из 10-ти суффикс *-ин-* (все остальные образования при этом были существительными с родительным принадлежностью); один участник выбрал в 9 случаях суффикс *-ск-* (исключением стало только слово *мужнин*); один участник во всех случаях создавал новое слово при помощи суффикса *-ий*. Именно эти морфемы, а также их алломорфы оказались самыми частотными в полученном материале.

Сначала отметим высокую частотность использования суффикса *-ск-* и его алломорфов. Помимо указанных выше слов *братский* и *сестринский*, участники эксперимента создали прилагательные *шуринский* (48 %), *зятьевский* (26 %), *деверьский* (23 %), *снохинский* (23 %), *свёкорский* (21 %), *свекрский* (12 %); этот же суффикс использован в единичных новообразованиях *зятьевский*, *зятьевский*, *жёнский*, *женовский*, *мужевский*, *тестевский*, *сноховский* и др.

Не меньшую популярность обнаруживает и суффикс *-ин-*, что не удивительно: в повседневной речевой практике весьма употребительны прилагательные, которые создаются на базе имен собственных вроде *Дашин*, *Витин*, *Надин*, *Танин*. Продуктивность этой морфемы не вызывает сомнений у исследователей [Земская 2005: 291], и полученный материал в очередной раз подтверждает справедливость этих выводов: *зятин/ зятьин* (27 %), *тестин / тетьин* (31%), *мужин* (19%), *братин* (10%), *свёкрин* (10%), *снохин* (29%), *шуриный* (10 %). Единичные образова-

ния типа *зятиный, зятинин, свекорин, свекриный, свекорын, сверковнин, снохинин* и др. также демонстрируют продуктивность этого словообразовательного типа. Интересно, что в группе с суффиксом *-ин-* наблюдаются случаи явной замены мотивирующей базы: *жёнущкин, сестрицын, шурочкин*.

Третьим по популярности оказался суффикс *-ий*. Он использовался для образования от всех основ, но от основы слова *шурин* притяжательное прилагательное было образовано единожды тем самым участником, который выбрал только суффикс *-ий* для всех слов, создав прилагательное от усеченной основы *-шурий*. Остальные испытуемые выбирали его значительно реже двух ранее упомянутых суффиксов: *мужий* (34%), *тестий* (32%), *сноший* (26%), *жений* (23%), *зятий* (10%), *сноховий* (9%), *деверий* (5%), *свёкрий* (5%), *свекровий* (5%), *снохий* (5%). Единичные образования созданы с удлинением аффикса: *мужчий, женачий*. Любопытно, что результаты, полученные от взрослой аудитории по количественным характеристикам вполне соотносимы с теми, которые были получены в ходе экспериментального обследования дошкольников, которые выбирали суффикс *-ий* почти в 5 раз реже, чем суффикс *-ин-* [Шумилова 2016: 352].

Некоторое количество единиц образовано в помощью суффикса *-ов/-ев*, среди которых есть повторяющиеся единицы: *тестев* (24%), *братов* (23 %), *тестевый* (18%), *зятев* (18%), *деверев* (15 %), *свёкров* (10%). Кроме того, в полученном материале зафиксированы и такие единичные слова, как *женов, шуринов*.

В полученном материале также содержатся единичные случаи образования притяжательных прилагательных при помощи суффиксов *-н-* и *-енн-*, причем все они образованы только от основы существительного *жена*: *жённный жененный*.

В процессе создания окказионального слова, присоединяя суффикс к основе на заднеязычный согласный, участники эксперимента обычно сохраняли финаль основы, но некоторые студенты создали слова, в которых наблюдается чередование заднеязычного с шипящим: *сноха – сношин, сношский, сноший, сношинский*, что, возможно, свидетельствует в пользу большей устойчивости морфемного шва в группе притяжательных прила-

гательных в сравнении с другими разрядами данной части речи. Это предположение, впрочем, нуждается в проверке, поскольку в списке слов была всего лишь одна единица, основа которой оканчивается заднеязычным звуком. К тому же в полученном материале есть прилагательные *снохин* и *снохий*, не изменившие финали основы, но всё же интересно то, что большая часть полученных в ходе эксперимента единиц отличается от общей тенденции к усилению аналитизма в словообразовательной системе, для которой характерно изменение морфемного шва, ведущее к структурной автономности морфов (ср., например, *ВАК* – *ВАКовский*, а не *ВАЧский*) [Виданов 2012: 79].

Таким образом, лингвокреативные задания дают интересный материал для выявления системных особенностей языка, в частности, он демонстрирует представление носителей языка о наиболее популярных деривационных моделях, что свидетельствует не только о их регулярности, но и о потенциальной продуктивности и специфике морфонологических процессов, сопровождающих процесс словообразования. Среди предложенных студентами окказиональных единиц немало таких, которые созданы с удлинением аффиксальной морфемы, которая возникает в результате чересступенчатого словообразования. Например, образование прилагательного *зятевский* можно схематически изобразить следующим образом: *зять* → (*зятев*) → *зятевский*; среднее звено этой схемы пропущено, в результате чего возникает удлинение аффикса. Представляется, что интерпретация полученных результатов должна выглядеть именно так, несмотря на наличие в нашем материале и слова *зятев*, поскольку речь идёт об окказионализмах, а потому необходимо учитывать не только весь собранный материал, но и границы речемыслительной деятельности языковой личности. Интересно то, что в подобных случаях процесс образования притяжательного прилагательного соотносится с историей некоторых адъективных словоформ с тем же грамматическим значением, которые в процессе исторического развития пережили процесс структурной редеривации, выразившийся в присоединении к основе, содержащей ассимилированный суффикс *-j-*, нового аффикса, как, например, в случае *заячь* → *заячий*. Аналогичные изменения наблюдаются

в формах *медвежий, верблюжий, птичий, сорочий* и др. Вероятно, образуя слово за счет удлинения суффикса -ск-, носитель языка пытается создать единицу с ярко выраженным адъективным характером (суффикс -ск- отождествляется прежде всего с прилагательным), а удлинение морфемы призвано сохранить грамматическое значение принадлежности.

Литература

Виданов Е. Ю. Развитие аналитизма в современном русском словообразовании. – Омск, 2012.

Гридина Т. А. Языковая игра: стереотип и творчество: Монография. – Екатеринбург, 1996.

Гридина Т.А. Вербальная креативность ребенка: от истоков словотворчества к языковой игре: монография. 2-е изд., испр. и доп. – Екатеринбург, 2018.

Гридина Т.А., Коновалова Н.И. Техники языковой игры в процессе обучения словообразованию в школе и в вузе // Педагогическое образование в России. 2017. №8.

Земская Е. А. Словообразование как деятельность. – М., 2005.

Норман Б. Ю. Язык: знакомый незнакомец. – М., 1987.

Ремчукова Е. Н. Грамматические категории в зеркале креативности // Лингвистика креатива / Отв. ред. Т.А. Гридина. -2-е изд. 2013.

Руденко Ю. А. Методические аспекты совершенствования лингвокреативной деятельности будущих воспитателей детских дошкольных учреждений // Уральский филологический вестник. Серия Язык. Личность. Лингвистика креатива. – 2012. - № 3.

Русская грамматика / Под ред. Н. Ю. Шведовой. – В 2-х тт. – М., 1980. - Т. 1.

Санников. Русский язык в зеркале языковой игры. – М., 2002.

Тимофеева Е. Е. Языковая игра как средство развития лингвокреативных способностей учащихся. – М., 2006.

Шумилова М. В. Посессивный выбор в речевой практике дошкольников (по данным лингвистического эксперимента) // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. – 2016. - № 14.

©Щербакова Н. Н., 2019